

Битый пиксель

Андрей
Левкин
БИТЫЙ
ПИКСЕЛЬ

ISBN 978-5-902945-23-9

Совместный проект издательства «Коровакниги»
и книготорга «Медленные книги»

Левкин А. Битый пиксель.—М.: Коровакниги, 2016.—36 с.

© Андрей Левкин, 2016

© Коровакниги, 2016

2014-й, ездим по Лангедоку. Живем в Лаграссе (машину взяли в Тулузе, оттуда до Каркассона, затем направо и там уже начались серпантины). Ездим из него во все стороны — в горы, к морю. Это Окситания, когдатощняя территория катаров. Не так, что туда именно поэтому, просто там не были. Начало октября, чистая погода. Один из маршрутов шел через Виллеруж-Терменез, Villerouge-Termenès. Катары мне симпатичны, что-то о них я знал, а там и табличка, сообщившая, что в 1321 году здесь, возле замка архиепископа Нарбоннского, сожгли Гийома Белибаста, «последнего катара». Конец реконкисты братьев Отье и т.п. Катаров там ценят — во всяком случае, как туристическую фишку, частью которой, судя по буклетам, часто оказываются аббатства. Ну, той Церкви, которая их и сжила со света. Так бывает. Белибаст перед костром сказал, вроде, что через 700 лет катары возродятся, так что и срок подходит, и мы уже тут, свидетелями.

В тот раз мы ехали в Терм, Termes. Гора, на ней замок — мы и ездили, чтобы заодно залезать на горки, а замки — так, удобные точки для ориентации. Горы невысокие, Терм — метров 500, да и внизу не ноль. Непривычные деревья, жесткие кустарники, белые каменные тропинки. Гора чуть в стороне от деревни. Съезд с трассы, стоянка между скалой и ручьем. Деревня/городок Termes; по одну сторону улицы ручей, по другую — дома. Впереди мост через ручей, туда, налево, уходит дорога, а улица продолжается вперед в гору. Тут появился какой-то кот (барсик, худой), идет за нами. Р. остановилась, до-

ждалась его и с ним заговорила. В таких случаях диалог возникает всегда, но этот — даже не остановился, а пошел дальше. Я был уже на развилке возле моста. Тоже попытался его погладить, он проскользнул мимо и свернул на мост. На середине моста оглянулся и целенаправленно пошел дальше. Ну, значит, дела у него. Мы идем вперед, в сторону горы, но почти сразу же утыкаемся в тупик. Возвращаемся к мосту, сворачиваем на дорогу, уходящую влево. Та, почти сразу же, поворачивает в сторону горы, а на повороте сидит тот кот и смотрит на нас, как на идиотов. Никакого вымысла, есть картинка — я машинально сфотографировал всю последовательность его прохода мимо нас. Но не когда он сидел на повороте — очень уж ехидно смотрел. Все это было в точке с координатами 43,001 N., 2,5656 E.

Катаров за 700 лет сделали какими-то карамельками: называют их «совершенными», например; они себя так не называли. «Катарами» тоже не назывались, никак не назывались. «Совершенные» — это perfect, для инквизиции — «законченные». Еретики, то есть. Их и сжигали обычно.

В Лангедоке есть какая-то непривычная субстанция. Здесь медленно начинаются Пиренеи, предгорья. В каталонских Пиренеях примерно те же растения, что и по эту сторону, разве что в предгорьях там нет винограда. Там ежевика, но и в Монсегюре нет винограда, а есть ежевика; Монсегюр выше Терма метров на 500, значит — влияет высота. Еще в Лангедоке чуть другой свет, сильнее и про-

зрачнее каталонского в таком же октябре; будто по разные стороны Пиренеев доминируют свои некие субстанции.

Ну, субстанция и субстанция. Виноград тоже субстанция, и он где-то есть или нет.

Villerouge-Termenès (где Белибаст), тоже деревня/город. Улицы, кафе. Метрах в 500 какой-то замок, полуразрушенный, почва вокруг него красная (глина такая). Но епископский замок — в деревне: он цел, во внутреннем дворе собака, ленивая, мается; виноград по стенам. Солнце острым углом во двор, жарко. Чуть сбоку сразу же огороды и виноградники. Возле угла замка стена какого-то дома, площадка между ними, мелкий гравий. В ее центре каштан, все усыпано каштанами — свежими, падают. Стучаются и шуршат, чуть прокатываясь. Ничего непонятного, но есть какой-то сдвиг: что-то здесь присутствует еще, определенное и внятное. Чем-то еще была эта площадка с каштаном — по крайней мере, теперь, 2-го октября 2014-го в 12.08 по местному — чем-то еще или конкретно именно Белибастом. Или это он в данный момент принял такой вид. Здесь без лирических домысливаний, нам до него дела не было, просто по дороге заехали. Но вот, эта площадка с каштаном сейчас являлась им или это просто был он. 43,0064 N., 2,6266 E.

Кейсы сгущаются и могут превращаться даже в персонажей; разумеется — поверх тех персонажей, которые были употреблены ими по ходу сгущения. «Кейсы», а не «случай» или «ситуации» затем, что это кейсы, а не случаи и ситуации. «Случай», он же просто случай. «Ситуа-

ция» — размыта, она не perfect, не состоялась, а кейс предполагает и пакет сопутствующей документации. Если задокументировать ситуацию, она может сделаться и кейсом, но не обязательно. А ощущения могут трактоваться как предметы, поскольку даже безоценочные «светало» etc. — вполне предметны и осязаемы. Если же некая тeneвая субстанция решила предъявить себя через кейс, то она сама себе демиург: с ней должно что-то происходить, чтобы ее ощутили, ergo — она действующее лицо, играющее по своему сценарию. Можно даже написать, что ее становление происходит через производство ею кейсов, например — «молодые годы субстанции х».

Текст о такой истории примется описывать сам себя, кусками. Примерно, как застывает вода на фотографиях: схватывается и схватилась, будто оледенев в цифре. Сделалась как пластмассовые модели самолетиков или игра в шашки. Что-то быстро возникающее, на раз замирающее и тут же распадающееся: на мгновение субстанция сложилась в зафиксированную ясность, но вне фиксации уже рассыпалась и не то, чтобы не собрать снова, даже и не понять, как это вообще могло составиться. Все время что-то дергается, происходя. Субстанции производят кейсы, предъявляя в них себя, как здесь присутствующую реальность; на короткое время отправляют существовать себя отдельно, окаменев, обрезав неопределенность. У них даже, может, появится имя. А вот и наоборот: любое слово или дефиниция из нескольких

слов, пусть «дерево» — это точка, которая раскручивается из себя, по любой зацепке разворачивающаяся лесом-садом-деревом, наматывая на свое слово что угодно из личных ресурсов тех, кто это слово прочел или произнес (вернув его этим обратно, в частную точечную определенность). В одну сторону — субстанция сгущается и схватывается в цифре, в другую — любое слово рас-слаивается, тиражирует себя по сторонам, возвращается в однозначность его юзера. Наверное, это две разные поверхности, их можно перепутать, но и — если сохранять их разницу — согласовать.

Например, «рай». Можно сделать быструю сборку, которая будет производить счастье. Тут просто: выбрать такие штуки, чтобы своей суммой они тебя окружили и, окружив, сделали внутри круга рай — ровно на сейчас. Всякие любые штуки, которые теперь пришли на ум. Это как на «блошинке» в данный момент лезут в глаза почему-то именно эти. Сборка соотнесется с каким-то пространством, из которого сейчас сюда транслируется сценарий рая, через детали. Всасывает рай сюда тем, что пригодно из имеющегося вокруг. Не навалом, организованным идеей, а просто настройка на сегодня, в обстоятельствах дня: например, сегодня туман или как-то еще. Сборка это дырка, через которую это сюда откуда-то; все равно же как устроено, если рай получится? Например: белый фон, тонкая красная рамка, внутри надпись черными буквами. Прямоугольная табличка, буквы тонкие, часто — готические, как венские предупреждения о ка-

ких-то запретах или дороге, с которой снег не убирают. Ну да, там еще и прозрачный свет, обычный для Вены, но это не о территории и т.п., и не о точном дизайне, а таблички предъявляют какое-то пространство без лиш-них свойств, легкое; будто бы даже без прошлого и буду-щего. Оно здешнее, но и немного сдвиг. Шрифт черный, часто выпуклый по белой эмали, тонкая алая рамка с от-ступом, самый край там белый. Небольшой генератор рая: понятно, в раю можно быть постоянно, если его ге-нерируешь, а эти таблички годятся для запуска генера-тора излучения — если сам отвлекся.

Любые понятия тоже вполне являются существами. В демоверсии это могут быть отели в несезон: пустота, зябко, сквозняки — в окнах туман, ну и листья, наверное, еще падают, почти уже как снег. Еще есть тепло, запах остывающего к зиме дома. Вот эти штуки, они же тоже существа. Каштан и площадка вокруг него ощущались как Белибаст, значит — они сложились в него как-то сами собой, иначе бы не смогли составить в такое ощущение. Такие дела происходят безостановочно, время от времени это надо фиксировать — чтобы не утратить есте-ственный навык понимания того, что тут да как вообще: какие субстанции и сущности в том или ином виде тут присутствуют, кто кем теперь является, через что про-являет себя — и сам по себе, и в публичных приложе-ниях. Но это ответственное дело, здесь все должно быть безупречным. Как с экраном: на нем появляется что угодно (или не экран, а пишешь то, что пишешь), а через

какое-то время глядения в экран или через какое-то время письма все это уже и будет реальность. То есть, по факту как-то так и есть, но она хочет сделаться реальностью уже какой-то вообще, единственной. Но тогда не должно быть сбоев, потому что если на экране окажется даже единственный битый пиксель, то все тут же рассыплется: ах, это же не реальность, а экран!

Если одновременно возникают несколько тем или позиций (как здесь у меня), то это значит, что они связаны, а как иначе? Вообще, если что-то возникает, то оно, как правило, даже если оно какое-то совсем уже само по себе, непременно возникло в какой-то связи. Значит, между ними, возникшими одновременно, вдоль пойдет их общая история; то есть, это предъявляет себя какая-то субстанция (или происходящая, которая потащит собою и на себе все это вместе, чем их и объединяет, или просто вот так выглядящая: набором позиций, пунктов, тем). Можно и проще: возник и существует набор одновременных вещей, которые без явной причины, но очевидно связаны. Может, у такого набора в каком-нибудь языке есть даже короткая дефиниция. Это как истории о всяких словечках, которых нет в русском языке (ну, если отнести к теме почти всерьез). Вроде шведского *lagom*, который как бы должен обозначить такое количество чего угодно, когда его ни много, ни мало, а ровно столько, сколько сейчас требуется. Но тут же как, какие могут быть точные значения у слов? Все всегда нечетко, можно

ведь и чуть иначе, но примерно о том же: *das stimmt*. Еще гавайское, вроде *raparo'o* — оно якобы должно обозначить почесывание головы в попытках вспомнить что-то, выскочившее из мозга. Конечно, это локальные или сиюминутные словечки — кто-то сказал так, кто-то этак, придумать такое при случае нет никакой проблемы. Еще *tamihlapinatapai* (утверждалось, что это из яганского — языка кочевников Огненной Земли) — «обозначение невербального контакта, при котором люди, обменивающиеся взглядами, понимают, что испытывают одно и то же желание». Но, снова об одновременных темах, позициях, пунктах и проч.: такой пакет вовсе не предполагает субъективности. В рамке «время, место, человек, что да как и после чего» по факту отсутствует субъективность, она фиктивна, она не более, чем способ сложить сам этот пакет. Это как точка на географической карте: в нее же упаковано все то, что обнаружится при приближении к ней, при входе в точку. Улицы, площади, дома, заведения, жители, вывески, цветочки в окнах. Но и наоборот — увеличивающаяся точка города со всеми его подробностями получила определенность и смысл от того, что существует точкой на мелкомасштабной карте, которая всосала, упаковала в себя пошаговую топографию.

В основе таких выборов не заданность, не последовательное складывание, а механика сворачивания-разворачивания. Чтобы извлечь из пакета кейс, а из кейса — исходную субстанцию, следует описать механизм, который это сделает именно теперь, в нынешнем конкретном

случае. Он-то и является предметом речи: почему в данном тексте возникает именно это и т. д.? Так он и пишется. Ну да, и всякие фактуры плюс отношение к ним. Они могут остаться вспомогательными элементами, а могут и перескочить на уровень субстанции, разворачиваясь в нее, ее обнаруживая/предъявляя из своей точки или царапины на ней. Развертывание станет производить логику связей, выстраивать цепочку — как в историческом диалоге:

— Самолет везет 500 кирпичей, один кирпич выпал. Сколько осталось?

— 499.

— Как за три шага положить слона в холодильник?

— Открыть холодильник, засунуть слона, закрыть холодильник.

— Как за 4 шага положить в холодильник оленя?

— Открыть холодильник, вынуть слона, положить оленя, закрыть холодильник.

— У льва день рождения, все животные пришли, кроме одного, почему?

— Олень в холодильнике.

— Может ли пожилая леди пройти через болото, где живут крокодилы?

— Да, все животные на дне рождения льва.

— Леди пошла через болото и погибла. Почему?

— Утонула?

— Неверно. На нее упал кирпич с самолета.

Чем этот кейс не субстанция или, даже, не существо?

Летом в Яунмарупе (Jaunmārupe, Mārupes novads, на юг от Риги, недалеко) был местный праздник. Начался с небольшого шествия: люди в этнографических костюмах, дети с шариками, оркестры. Сопровождали, то есть — просто шли вместе с другими в первой шеренге — двое полицейских. Как обычно: черные брюки, черные свитера, жилетки салатного цвета. Но на головах у них были маски — большие, такие бывают на улицах у промоутеров каких-нибудь лавок. Один был некий лев (не знаю этого мультфильма), другой — какой-то кот. Остальные из первой шеренги тоже были еще кем-то в масках; мэр, судя по всему, тоже среди них. Все тут свои, чего ж не развлечь детей и соседей. Но здесь не об этом. А если бы все, кто действует в рамках служебных обязанностей, носили маски — там, где есть контакт с людьми? Не обязательно даже госслужащие, а, например, продавцы и водители трамваев. Скажем, кассирши и вообще персонал сетевых магазинов — да. Если магазин небольшой, то нет. Или стюардессы — да, пилот — тоже, пожалуй. Но заправщики-такелажники — нет. Есть тут какая-то линия, за которой взаимодействие уже качественно отчуждено. Ну а заправщики-такелажники без масок, потому что там нет прямого взаимодействия. Конечно, в городе стало бы много таких голов, и вот сделалось бы тогда веселее или же стало бы страшно? Вероятно, страшнее; отчуждение служебных функций выглядело бы агрессивным, потому что теперь подчеркнуто анонимное. Будто некто тут другие как инопланетяне: миккимаусы, кроли-

кироджеры, кто угодно. Они с тобой общаются, но тебя не учтут, ты не их породы. Можно вообразить маски уже совсем как лицо человека, когда с расстояния не различить: приближается, а это — маска. Наверное, неудобно будет только какое-то время, а потом привыкнут. То есть, это не о привыкании, но о линии отчуждения: вот в этой части жизни еще возможны какие-то частные отношения, как со знакомым продавцом или парикмахером, а тут — уже нет, только функция. Ну да, все просто: маски там, где тебя так и не начнут узнавать. Тем, кому придется носить маски, было бы неудобно, но это как офисный дресс-код, что поделать. Они бы привыкли. Все бы привыкли: тут такое, а тут — другое, иначе. Тут есть ты, а тут — тоже ты, но совсем не важен. Причем, это не ужасное ощущение, на самом-то деле; полицейские в масках вовсе не были ужасны. Это же не от масок зависит.

Но, если не в декоративных, а в масках, примерно похожих на стандартные, среднестатистически-нормативные лица (как по умолчанию должен выглядеть тот, кто осуществляет служебные транзакции с населением)? Тогда каждый будет узнавать в такой маске и немного себя, общее с частным зацепятся друг за друга. Между ними возникнет этакий международный английский. Практически, Брюссель в розницу: брюссели, всеобщая и повсеместно рассредоточенная столица. Тогда и сам Брюссель станет понятнее — как функция, где он Европа без свойств, а сам-то он хороший, и не слишком надоедает

достопримечательностями. Что у них там туристического: евросоюзовские здания, мальчик этот пухлый, полузабытая уже статуя атома, НАТО по дороге в аэропорт. Ратуша и площадь, биржа, пассажи и Дельво. Немного, и только чуть-чуть отвлекает внимание от функции. Конечно, город не без свойств, но они такие, что позволяют сыграть в то, что он без свойств. Ну и Европа тогда там *as is*, вещество и субстанция, поэтому Брюссель реально производит и распространяет непрерывность. Именно поэтому проект и удался, все-таки: что ж это, как не общая столица, и что могло бы быть вместо него? Конечно, быть без свойств тоже свойство — отчего Брюссель фактически расчерчен происходящими в нем идеальными транзакциями и все это как-то работает. Висит над ним прозрачный идеал, работоспособный на такой процент реальности, который достаточен для его функционирования.

Тогда Брюссель еще и проект социального тела без свойств, применимый к каждому. Социальное тело выдается человеку, оно может обрастать внешними опциями в дополнение к нормативным, ну а личное тело — само по себе, взаимодействует с внешним на усмотрение владельца. Ну, некоторые не соотносят себя и с этим телом, используя его разве что для взаимодействия с физическими окрестностями, но это уже другая история. А тут станет легко осознать: здесь ты сам по себе, а там ты — социальный; в каждом слое свои транзакции, но из себя управляешь и социальным собой. Ровно как ходить

в масках, какая разница. Собственно, так ведь все и ощущается, никакой новости.

Тем более, что люди не дотягивают до своих индивидуальных проектов. У кого-то лишний вес, кто-то недобрал образования или ум пошел криво. Частный проект у каждого был, конечно, но люди редко ему соответствуют — не так, что имелось такое обязательство, но можно ж было и совпасть. Ну, не получилось. Ленились, или обстоятельства, или когда-то что-то неверно поняли. Тут не о чем-то духовном, а имелось же потенциально что-то для каждого, что могло бы быть. Но это частное дело, как там у кого вышло. Сами исходные проекты при этом сохраняются; маячат, полупрозрачные, немало сбоку. Что за общность бы возникла, когда все бы совпадали со своими проектными вариантами, что за чистый проект составил бы из них? Но, вероятно, такой проект можно построить, исходя из расчета на то, что все дотянули до идеала, а он будет функционировать и при несовершенстве исполнителей. Шумы уравновесятся общей структурой. Это не об идеологии, скорее уж брюссельский формат.

Странно все же, как тут обходится без проекта. Очень умных людей мало, а у остальных еще и эмоции, забывчивость, субъективность и физиологические процессы. Но все равно все здесь как-то крутится: как правило, пропитание люди добывают, что-то делают, имеют удовольствия — где-то тут какой-то мощный запас прочности. Нужны только общие, то есть, примитивные

схемы и реакции, этого достаточно, хотя вокруг-то все невероятно сложно (как кузнечик устроен, например). Это изумляет вне связи с последствиями (все как-то, пусть кое-как выживают, какое-то время), а само по себе: в самом же деле, красиво устроено. Соотнести это не с чем, разве что с австрийскими служебно-бытовыми табличками, белыми с черным шрифтом и алой рамкой (с отступом от края), которые могут сегодня включить рай: у него сегодня вот такая машинка. Или когда, допустим, туман и такое прочее; по-разному.

Машинка, да. Потому что темой данной истории является сама тема, ее возникновение и т.д. Здесь требуется пространство, в котором тема могла бы осознаться, но может ли возникнуть пространство, еще не заданное темой? Потребуется какой-то трип на пока еще пустом месте, он произведет экшн, а уже тот оформит пространство через свою длительность и употребленные при этом слова (они уже и сами по себе что-то означают, вызывая узнавание, привыкание; каждое из них разводит веер своих смыслов): так пространство как-то и задается, обозначится. В таком пространстве что-то уже елозит, ну а агент этого приключения (кто-то же решил его предпринять — и не сам автор, а какая-то штука в авторе, агент текста) начнет косвенно проявлять себя, что и делается видимым как текст. Но пока пространства нет, то всякие бесплотные, хотя и внятные акторы (тот же агент текста, сейчас пишущий эту конкретную — вот

эту, в скобках — фразу) существуют на равных правах с реальными вещами (ну, тот же каштан). Разумеется, это и о том, как кейсы, а то и всего-то моментальные сборки начинают выглядеть как персонажи.

Так субстанция начинает производить себя в предъ-являемой форме, но — некая, совсем уже мелкая штука сначала задаст саму субстанцию. Вот, допустим, идет бухой дядька: то он выскажется, то запоет песню, то выскажется более развернуто, то споткнется, то бутылку о стенку грохнет. Все его действия — чуть разные стихии, так что какая-то мелкая штучка-машинка внутри него все время вдоль его ходьбы переключает его субстанцию на разные варианты проявления. Конечно же, сохраняя намерение действовать примерно в одном ключе. По факту, сам он и является этой субстанцией, включая в нее и его действия, пусть даже очевидно, что именно его держат — алкоголь. Безусловно, внутри трезвого автора сейчас тоже шляется схожий дядька, который то так, то этак. Но какая-то его часть что-то вокруг все же видит, регулируя ходьбу туда, куда примерно надо. Ну, как ей представляется то, куда агенту письма бы надо.

Несомненно, в скрытой форме здесь же присутствуют и гейсы, ограничивающие своеволие: «Три гейса лежали на Тальтиу: гейс смотреть на нее через левое плечо, гейс проезжать по ней, не сойдя на землю, и гейс что-нибудь бросить на ней без нужды после захода солнца». «Нельзя обходить тебе Брегу слева направо, а Тару справа налево». «Каждую девятую ночь не можешь

ты покидать пределы Тары». «Три Красных не должны пред тобой идти к дому Красного». Каждый из них также является субстанцией, сгустившейся до запрета в пространстве действий физических лиц плюс — их представлений об этом пространстве. Конечно, для агента письма гейсы также существуют, но их увидеть нельзя, именно они не могут быть даже упомянуты.

В социуме пока еще болтается идея ценностей (надежных, вечных) и сопутствующей им иерархии. Конечно, не вполне понятно, что, собственно, есть ценность: в каком смысле чему назначена цена, имеется ли в виду возможность ее преобразования в предметы первой необходимости или же это пропуск в область действия идеального проекта (раз уж слова «идеальный проект» есть в обиходе, то в каком-то виде есть и он сам, а тогда у него есть и область его действия). Любопытно, чем бы это могло быть, когда уже и богатство обесмысливается технологиями (самолеты давно уже не только для состоятельных, *vir'ы* всего-то за куцей занавеской, никаких им баров и курительных салонов, разве что бесплатный ужин с мелкой выпивкой). И эти ручки-часы-аксессуары на борту, подарочные и блестящие, они уже как рассыпающееся облако вокруг бывшего эксклюзива; иерархия ощущений по поводу предметов слабеет, таких штук-то наделано во множестве, перед рождеством ими торгуют возле рыночных павильонов. А вот цифры вокруг полно и она практически бесплатна. Ну а иерархический экс-

ключив должен иметь закрытый доступ к нему. Значит, должен быть некий теоретический элизиум, коль скоро эта тема пока более-менее воспроизводится, распространяя во все стороны новые новости по части одежды, обуви, часов и галстуков. Вероятно, это какая-то спираль или мягкая расплывчатая воронка, а по периметру там барьер, который и регулирует доступ.

Гипотетически, должна быть центростремительность, точнее так: до этого барьера — центробежность, отбрасывающая недолжных соискателей, но, если барьер превозмочь, то за ним уже центростремительность, и она доделает остальное, безвозвратно всосав внутрь; там вялая дыра, из нее не вернуться, потому что теперь она уже в том, кто через барьер перевалился. Вообще дыры могут быть разными, каждая из них тоже отдельная субстанция, но это уже скучно.

А вот шарик типа точка — совсем другое дело. Снаружи, со стороны — просто точка. Если же в него войти, меняя по ходу свою размерность в зависимости от каждого следующего открывшегося слоя, то пространства там будут следовать одно за другим. Вот, вроде бы, точка, а войдешь в нее, а это — шарик, он расширяется и его оболочки не видно. Ну да, может оказаться так, что в точке ничего и нет, или там какие-то аббревиатуры, или просто пустяки, аленький типа цветочек.

Самое наглядное тут города. Точка на карте, внутри которой множество того, что откроется в приближении. Она расширяется, выходит за пределы возможности охва-

тить ее одним взглядом, распадается, покидая своих магнитики. Точки Гент (51°03'00" с.ш., 3°43'00" в.д.) или Вена (48°13'00" с.ш., 16°22'24" в.д.) разворачиваются из этих их цифр, накручивая на себя: а) твои представления о них, б) то, как ты там уже был, в) что попало теперь по дороге; становятся не предметом, не стабильным местом с координатами, а процессом разворачивания, развертывания точки. Их субъектность возникнет ровно в этом расширении (при входе) и сжимании (при удалении), она динамическая: из точки выделяется неведомая субстанция, она-то городом и является. Скорее всего, она поведет себя в гуманных рамках, но сам факт ее принципиальной неслитываемости формирует и предъявляет еще что-то, чему не к чему там (тут) прикрепиться. Но, если не прикрепить это к чему-либо, то оно будет болтаться где-то, как файл в 120 Gb, которого компьютер не видит.

Это как если начал делать какой-то проект, он уже практически сделан, но не запущен, не запускается по каким-то обстоятельствам. Или какое-нибудь чье-то обещание, ты его помнишь, оно же должно же быть исполнено, но вот уже столько лет прошло, но ты помнишь и ждешь, когда оно будет исполнено, оно же должно быть исполнено, хотя уже и некому это сделать. Или же с кем-то познакомился, что, несомненно, будет иметь продолжение, но прошли уже тридцать лет? Но где-то все еще ждет продолжения: какой-то звонок никак не прозвонит или ты сам никак не соберешься позвонить, и этому уже 30 лет.

Или обратный вариант. У Белля в *Das Brot der frühen Jahre* фишка примерно та же, она пригодна даже для Страшного суда. Герой едет на машине к героине, они познакомились недавно, все у них сразу же сделалось серьезным, но эпизод не конкретно о них. С героиней, пока она его ждет, происходит то, о чем она рассказывает уже в машине: «Ein Mann sprach mich an..., со мной заговорил какой-то человек. Хотел увести меня с собой, он был симпатичный; он держал под мышкой портфель, его зубы чуть пожелтели от курения, старый — лет тридцати пяти, но симпатичный, er war alt, aber er war nett».

«"Fast wäre ich mit ihm gegangen", sagte sie, "ich weiß nicht, wie lange er noch hätte durchhalten müssen, aber er hielt nicht durch. Heiraten wollte er mich, er wollte sich scheiden lassen — und er hatte Kinder, und er war nett; aber er lief weg, als der Scheinwerfer deines Autos in die Straße fiel". Я чуть было не ушла с ним, — говорила она. — Ему бы продержаться еще чуть-чуть, но он не смог. Он хотел на мне жениться, сказал, что разведется, у него есть дети, и он симпатичный, но убежал, когда фары твоей машины осветили дорогу. Он стоял возле меня, всего минуту и быстро шептал; у него было мало времени — минута, и за эту минуту я успела прожить с ним жизнь; я упала в его объятия и отстранилась от них; я родила ему детей; я штопала ему носки; я принимала его портфель, когда вечером он приходил с работы, я целовала его, когда он уходил; мы вместе радовалась тому, что он вставил себе зубы; когда ему прибавили жалованья, мы устроили

маленькое торжество: я испекла пирог, мы пошли в кино, он купил мне новую красную шляпку, цвета вишневого джема; он делал со мной то, что хотел сделать ты, и мне были приятны его простые ласки; менялись костюмы: когда мы купили ему новый, он стал носить по будням бывший выходной костюм, а потом и новый костюм изнашивался, и мы купили ему следующий; дети подросли и тоже стали надевать темно-красные шляпки цвета вишневого джема; я запрещала им то же, что всегда запрещала мне, — гулять под дождем, запрещала потому же, почему запрещала мне, — от дождя быстро портится одежда... Он работал бухгалтером на шоколадной фабрике, однажды по секрету рассказал, сколько они выручили на конфетах "Юсупов" — много; а я не удержалась и на следующее утро все разболтала в молочном. Ему бы продержаться еще минуту или две, но он убежал, когда твоя машина вывернула из-за угла, *lief schnell wie ein Hase, als dein Auto in die Straße einbog*. "Ich bin nicht ungebildet, Fräulein", sagte er zu mir».

Что это за город? Белль жил в Кельне, да и по ощущениям вполне Кельн. Вот только улицы: «медленно пересек Нуделбрайте, покружил по Рентгенплатц», упоминаются *Kurbelstraße, Judengasse, Korbmachergasse, Netzmachergasse*. Или совсем определенно: *Noldewohl-Denkmal* — памятник Нолдеволю, он «архитектор северной части города», *Erbauer der Nordstadt*. Ничего этого в Кельне нет, а где-то же все это лежит? Ну, где-то.

Бывают и люди такие, что, вроде, и нет их, почти нет: что ли, точка, которая никак себя не заявляет, но постепенно — общаешься с ними — *это* увеличивается; увеличивается, находясь неизвестно где: исходный шарик-точка, которым человек еще недавно для тебя был, даже не расширяется, а обнаруживается пространством, которое здесь не увидеть, тут это только точка. Или пусть будет субстанция, выглядящая здесь точкой, но — согласишься с ней и начинаешь менять собственную размерность — и не по своей воле, а отвечая размерности того, где теперь оказался. В пространстве, ранее скрытом, а даже и не скрытом, но предъявленном здесь не более, чем небольшим шариком. Или точкой входа. Но она тут, а тут, как оказалось, все устроено не так просто.

Или же человек, чье сознание не уплывает, который всегда определенно тут, знает, где и почему находится. Не так, что у него всегда под контролем все, но — всегда ровное бодрствование. Постоянная волна, стена сознания, которая ничего не отгораживает, но присутствует постоянно. Как даже граница территории, вне которой такое сознание отсутствует. Это не обнуление чувств, иначе. Тогда, например, не нужны трипы и озарения, чтобы до чего-то дотянуться умом и прочим: там все в спокойном доступе. Все на своих местах, укутывает тебя как игрушку или же как не вполне еще дееспособного зародыша. Нигде не почувствуешь себя чужим, даже и там, где совсем не знаешь тамошний язык.

Частные действия становятся завитками, даже просто игрушками. Потому что если стена постоянно тут, то ведь знаешь, что за ней. А тогда можно думать и о том, как игрушки консолидируются, производят сиквелы, где герои разных историй связаны — как и все на свете, превратившееся во всемирную историю оловянных солдатиков и плюшевых зверей. Между историями там проделаны ходы из одной в другую, самими этими историями. А когда желаний нет, их можно придумать как Луна-парк: в нем будут разноцветные хотелки, веселые. Это проекция того рая, в котором будешь постоянно, если производишь его сам. Чего ж тогда не распространять игрушки во все стороны, доставая их из-за стены на эту сторону и глядя на них, как на магнитики с видами городов. Магнитики — тоже дело: у нас в подворотне возле Эвелес (Eveles) самодельно нарисован герб Брасы (так называется район, Brasa), тоже как местный магнитик, можно бы и растиражировать. Герб придумали таким: щит, как положено, четыре части: кусок пиццы; руки, сжимающие прутья решетки; два дерева, склеп и шпиль церкви; запеленатый младенец. Пицца — LuLü пицца, она тут уже лет 25 работает (L — оранжевая, u — синяя, L — зеленая, u — алая, а горизонтальная палочка поверх — мягко-желтая). Младенец — рядом роддом, я и сам там родился. Руки и решетка — рядом есть тюрьма, а кладбище — старое немецкое кладбище, теперь парк. Но не отражена железная дорога. Или места не хватило, или не сообразили, как ее вписать. Или, скорее, из-за очевидности.

То есть, надо делать такое описание ситуации, которое само бы оказалось этой ситуацией, рекуррентное. Письмо тут годится: с одной стороны, оно потенциально предполагает возможность выпасть из любой схемы, с другой — схемы и производит. Или же маски, все ходят в масках, Вселенная тоже коммуницирует через маску. Или вот тот же алюминий: его же никто не видел, на воздухе он сразу же покрывается пленкой оксида, Al_2O_3 . При этом она же и препятствует его дальнейшему окислению, то есть, сам он где-то под ней, не так и далеко от поверхности, но видна именно она, маска. Или как сфотографированная картинка застывает в цифре и есть уже только картинка-оцифровка. Словом, ровно как беллетристика и ее жанры, они просто этикие загогулины из алюминия, да еще и покрашены, чаще всего масляной краской, в несколько слоев. Причем, если даже в тексте фиксируется то, что ранее отсутствовало в виде набора слов, то вот же он, все тот же алюминий, автор его окисляет буквами. Как тут вообще может сохраниться какое-то исходное вещество?

Или же катары с их своим, другим пространством. То есть, это их царство, которое, как обычно, не от мира сего, но — не как-то вообще не от сего мира, а конкретно в варианте, что тут (ну, тут) в основном все сделано другим богом, не тем, о котором «Все чрез Него начало быть», а другим, который вводится фразой «*sine ipso factum est nihil*», «без Него ничто начало быть». Здесь (тут)

возобладало Ничто, которое сотворил и продолжает штамповать другой: всякая здешняя ерунда, которая повсюду. То есть, почти повсюду, их и интересовало это «почти». Ну, отсюда их недоумение по поводу икон, статуй, Церкви как централизованной структуры и церковных зданий в частности; к тому, как именно их похоронят и, заодно, к Таинству Брака. Понятно, такая трактовка фразы могла быть анестезирующей подтасовкой, но, все же, так они, похоже, и ощущали. Не то, чтобы катары были главными в борьбе с преемственными фокусировками и языком описаний. Да и нет в этом ничего такого, чтобы с ним бороться. Язык описаний — это просто когда что-то принимает форму. Да, окислы и оболочки, так и что? Зато катары явно ощущали альтернативу; не словесную, у них было умение ее ощущать и без нее. Какое-то там спокойствие, будто какой-то мягкий шар. Они его могли и не чувствовать, не видит же облако тот, кто находится в нем. Так и они: вокруг их рай и освещение какое-то свое. То ли они это как-то вычислили, то ли случайно наткнулись, то ли это просто свет такой в Окситании. Вокруг, да, Al_2O_3 , но есть и что-то реальное, как бело-желтое вещество: субстанция, она еще и отвлекала от мучений, когда их сжигали. О бело-желтом веществе я где-то читал, давно. Теперь не нашел, но откуда-то же это взялось, нетипичная технология. Она переключала их на другое тело — другое тело у них упоминается внятно. То ли оно внутри, то ли сбоку, то ли еще где; ну а тут, в этом мире — алюминий. Конечно, вокруг же все горит, окисляется.

Значит, где-то должны быть точки, дыры внутрь, где еще не окислилось, а входы туда не затянуты окислом. Но такого не может быть по определению. Значит, здесь это не окончательный алюминий, а какой-то алюминий с исключениями. Разумеется, сами эти мои рассуждения наглядно объясняют проблему, а то: они уже вполне оформились, делаясь оболочкой, внутри которой должно находиться смутно предполагаемое нечто. So it goes, тут такая игра, нормально. Вдобавок к теме алюминия, который не сразу (или не всюду) окисляется, если его правильно расковыряешь, конструктивно примкнет и тема оболочек, социальных и частных масок, личных и государственных космогоний. Кто ж понимает, что именно у него там, в какой-то его личной основе (мнений, привычек, воззрений), и как вообще люди могут иметь свое место на некой общей поляне? Она предполагает согласование иерархий, устойчивость и общую вечность, а какая всеобщая оболочка возможна теперь, когда видно, насколько людей много и какие они разные? Вообще, чего они все еще не принялись выходить на свои проектные варианты, раз уж теперь проблема с общим? Или почему они не улыбаются и не машут одновременно, все и всегда? Что еще им остается? Впрочем, может, именно это они и делают. Ну да, это тут так, нервное.

Рассуждения продолжают оформляться и делаются оболочкой, что, несомненно, тупик. Значит, надо делать временный жанр (да их все время делаешь, потом можно их даже развивать, как шаблон, но — лень, лучше ведь

сделать следующий). Только и производство таких жанров тоже ведь шаблон, как процесс. И даже чистосердечное о том, что следует делать новый временный жанр — тоже не более, чем «смеркалось» в нарративах, когда там должно смеркаться. Обстоятельства, состояние окрестностей, не более того. Схемами затыкается все, это не новизна: Al_2O_3 , еще и липкий. Надо уметь делать контролируемое окисление, вот что.

Например, состояние окрестностей. В тексте должна быть точка — место, которое в принципе можно увидеть: оно там будет немного торчать и запоминаться. Тем более, такой центр должен быть в тексте, где мало что происходит. Даже субстанции надо технологически к чему-то привязаться, чтобы потом мотаться во все стороны, а иначе что она вообще и где именно ее заметить. Центр непременно должен быть. Не так, что ровно по центру текста, где угодно. Хотя бы и в последней четверти — то есть, ровно в этом месте (потому что это сейчас и пришло в голову). Оно не должно провоцировать чрезмерного разворачивания побочных мотивов, оно должно ничего не вызывать в памяти. Фактически должно быть местом без свойств, чтобы было даже непонятно, зачем оно вообще упомянуто. Оно требуется именно потому, что сейчас это пришло в голову, а свойства налипнут быстро, и точка покроется ими, наглядно окисляясь, окисля-я-ясь. То есть, надо просто зафиксировать место, где находишься сейчас.

Это кафе «Густав Адольф», «Gustavs Ādolfs» в Межпарке, Рига. Оно на одном из углов перекрестка, у кото-

рого шесть углов, неравных; один, точнее, два противоположные — острые, там домов нет, на одном из них треугольный сквер, на другом — лужайка за забором. На следующем углу аптека, еще на одном — отделение банка, на пятом углу продуктовый, ну и «Густав Адольф» на шестом. Кафе популярно в округе, у них своя выпечка, мягкая. Во дворе есть летняя площадка, а если пойти мимо кафе дальше, то будет миссия Самаритян — в частности, у них там можно сдать медицинский минимум для вождения. Дома здесь не более, чем трехэтажные; сосны, есть и клены. По основной улице, Kokneses prospekts, ходит трамвай 11-го маршрута, прочие помечены знаками «Жилая зона». Названия: Visbijas и Stokholmas. Stokholmas за перекрестком будет Pēterupes.

Густав Адольф обоснован, это шведский король Gustav II Adolf (Gustavus Adolphus, Gustav II Adolph, Gustavus Adolphus Magnus). Он вошел в Ригу 16 сентября 1621-го, его военный лагерь и был тут, в лесу (сосновый, большой, на берегу крупного озера), который по этой причине затем назвали Царским лесом (Keizarmežs), но в 1923-м переименовали в Лесной парк, Mežaparks. Теперь, 6 января 2016 года, все в снегу. Он свежий, выпал позавчера, сегодня снова падает — то есть, солнца нет. Все вокруг очень белое. 57,0005 N., 24,1597 E. Тихо.

Вот и снова все одновременно: Густав Адольф, Kokneses prospekts с одиннадцатым трамваем, кофе, я, его пьющий и этот текст. Как это может сойтись вместе? Но это и есть point: надо, чтобы не сходились. Понятно, как

оставлять в окисле дыры: делать недолитературу. Она делается вне всяких фикшнов-нонфикшнов; не занимаясь даже сущностями, ранее не зафиксированными речью; не сочиняя частные трактатики, даже и со сдвигом. Не помогут трипы, стопки отслоений, ситуационные сборки, даже моментальные развороты текста в любой точке (так умеет коллега Іванів — Витя, привет!) и даже без превращения авторской размерности в ноль. Все это хорошо и работает, но здесь теперь недолитература, недотекст. Все вот-вот может сложиться, но текст сложиться не должен, недостача и есть то, что следовало написать. Al_2O_3 это покрыть не сумеет.

То, что не складывается (это в Present Contignious), и станет дыркой в оболочке. Свести все вместе можно, но не надо. Не надо делать ничего. Отсутствие замыкания само станет им. Надо сделать битый пиксель. То, что/в чем есть битый пиксель, никогда не окислится, потому что дыра в связности. Откуда он возьмется? Да тот упавший с самолета кирпич, хотя бы. Битый пиксель, светится желто-белым. В него видны там внутри каштан, ежевика, буква R, отели в несезон, координаты разных мест, слова ArfD'a, fOD~dL, ~**ch=ArRa, DnRK8re, A_mÛ?, xjQги, ѠøB_ÿÁ5p! (это штуки из моих прежних историй, вот же — появились и тут), еще какие-то уже просто коды, трассы и расширяющиеся города. У кого там что, а у меня вот это. Этот текст — битый пиксель, конечно, что же он еще.

Редактор *Алексей Дьячков*
Макет *Иван Большаков*
Дизайн *Сергей Пацюк*
Корректор *Сергей Лебедев*

Издательство «Коровакниги», facebook.com/cowbooks
Книготорг «Медленные книги», slowbooks.ru

Тираж 150 копий

Печать типография «Радуга», raduga-print.ru

Москва • 2016